

**ПОСОХ И ДЕРЕВО
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Одной из характерных особенной местной (локальной или региональной) формы бытования ислама в Центральной Азии является наличие большого числа представлений и традиций, стадильно относящихся к доисламскому периоду, которые позже были инкорпорированы в русло мусульманской религии. Одной из подобных традиций является почитание деревьев, наблюдаемое во многих районах указанного региона. Во многом представления, характерные для культа деревьев, переносятся на изготовленные из них предметы. Так, в обширном регионе мусульманской Центральной Азии в разнообразных ритуалах и практиках используется деревянный посох.

Весьма интересным представляется рассмотрение обычая использовать (опираться) посох, чаще ивовый (в том, что посох обычно изготавливался из ивы, можно предположить связь с охранительной функцией, характерной для этого дерева), во время оплакивания покойника, который известен у многих народов Центральной Азии [Наливкин, Наливкина 1886: 233–234; Валиханов 1986: 211; Кармышева 1986: 146; Писарчик 1976: 124, 180–181; Баялиева 1973: 71; Толеубаев 1991: 94] и, по всей видимости, демонстрирует определенную схожесть с традицией устанавливания на могилах *тугов* (см.: [Терлецкий 2009: 134–137]).

Так, жители Аулие-ата, приходя поклониться умершему в своем *махалла*, подпоясываются поверх халата и держат в руках палки. Провожая покойника на кладбище, старики идут с палками (посохами) в руках [Фиельструп 2002: 99]. Причем в одних районах на посох опирались только мужчины, в других — мужчины, женщины и даже дети. По сведениям М.С. Андреева, в Ягнобе посох также играет определенную роль в погребальной обрядности. Во время оплакивания, начинающегося со стороны присутствующих родственников тотчас же после смерти человека, мужчины и женщины исполняют его отдельно. Мужчина при оплакивании днем обыкновенно берет палку — *тиёқ* — и плачет, стоя перед домом и опираясь на нее. Женщины при оплакивании палок не употребляют. В соседней Матче, однако, это делают также и женщины [Андреев 1970: 130]. Во время похорон сопровождающие тело по дороге на кладбище идут, опираясь на посохи — *таёқ* [Там же: 141].

Часто с посохами шли на кладбище, где их втыкали в холмик над могилой, или бросали рядом с могилой (иногда даже у входа на кладбище), или клали в могилу рядом с покойником. Следует отметить, что к посоху вообще и погребальному в частности у народов центрально-азиатского региона было отношение почтительное, так как он считался спутником человека, охраняющим его в пути, причем не только в этом мире, но и в мире ином [Писарчик 1976: 181].

Посох в погребальной обрядности представляет собой явление многофункциональное, как и многое в семейной обрядности. Так, посох имеет и функцию обеспечения будущего плодородия, ибо дерево и его производные

(посох, ветвь и т.п.) есть вегетативное божество. Посох, видимо, соотносится и с «мировым деревом». Не случайно его втыкают в могильный холмик некоторые группы населения Центральной Азии. Восприятие вертикального шеста, палки или столба как символа связи земной и небесной сфер, мира людей и духов, живого и мертвого, по-видимому, можно отнести к древнейшим представлениям. Упомянутая традиция втыкать посох на могильном холмике находит аналогии и в обряде, зафиксированном у казахов. «На 40-й день пику покойника выставляют, проткнув сквозь кошму наружу, <...> если покойник был старый, с белым платком на конце, если молодой — с красным» [Фиельструп 2002: 134]. Правда, отмечается, что на могилу копыя не ставят.

Главная идея, определяющая культ деревьев в целом, проявляется в разных вариантах, но в целом восходит к весьма примитивным анимистическим представлениям о том, что дерево (либо определенный вид его) служитместилищем для духов и душ [Снесарев 1969: 196]. Подобные взгляды в полной мере относятся и к предметам, изготовленным из дерева. Возможно отчасти они имеют отношение и к посоху.

В Центральной Азии для обозначения посоха используется несколько терминов. Выше уже был упомянут один из них — *таёқ*. Однако наиболее широко распространено наименование *'аса*. Представляется обоснованным сделать несколько замечаний относительно происхождения данного термина, а также представлений о посохе, характерных в целом для исламской цивилизации.

Согласно арабским письменным источникам термин *'аса* имел широкое бытование среди древних арабов и означал палку, которой пользовались погонщики верблюдов. Это слово также неоднократно встречается в Коране в значениях «посох», «жезл», «палка», главным образом в рассказах о пророке Мусе (библейский Моисей):

Что у тебя в правой руке, Муса? Он сказал: «Это — посох мой; я опираюсь на него и сбиваю им для стад моих листья. Есть для меня в нем и другая польза». Он сказал: «Брось его, о Муса!» И бросил он его. И вот — это змея, которая ползет (20: 18–21).

Сюжет с превращением посоха Мусы в змею встречается и в некоторых других сурах Корана:

«О Мусā, поистине, Я — Аллах, великий, мудрый. И брось свою палку!» Когда же он увидел, что она извивается, как змея, обратился вспять и не возвратился (27: 9–10).

И когда он подошел к нему, был к нему зов с правой стороны долины в благословенной роуце из кустарника: «О Мусā, Я — Аллах, Господь миров! Брось твою палку!» И когда он увидел, что она извивается, как змея, обратился вспять и не повернулся (28: 30–31).

В коранических айатах, касающихся пребывания Мусы в Египте, также говорится о его посохе или жезле (термин *'аса* используется и здесь), с помощью которого совершались различные чудеса:

И бросил он свой жезл, и вот, это — явно змей.<...> Сказала знать из народа Фир'ауна: «Поистине это — сведущий колдун» (7: 104, 109).

И внушили Мы Мусе: «Брось свой жезл!» И вот он поглощает то, что они представляют (7: 14).

Данная история о своего рода состязании в чудотворстве между египетскими колдунами (чародеями) и Мусой также приводится и в суре «Поэты»:

И бросили свои веревки и жезлы и сказали: «По величию Фир'ауна мы, конечно, победители!» И бросил Муса свой жезл, и вот он пожрал то, что они лживо измыслили (26: 43–4).

Еще один вариант данной истории встречается и в суре «Та ха» (20: 66–73). Термин *'аса* употребляется как в отношении посоха Мусы, с помощью которого он ударил по морю и заставил его развестись и пропустить следующих с ним людей (26: 63) и, ударив по камню в пустыне, вызвал появление двенадцати источников (2: 57). Все вышеперечисленные примеры тесно перекликаются с рассказами, приведенными в «Исходе», второй книге Ветхого Завета, хотя в Коране и не делается различий в определении посоха Моисея (Мусы) и Арона (Харуна).

Более поздняя мусульманская традиция сообщает, что *'аса* представляет собой посох, сделанный из срезанной с куста мирта ветви, который Адам принес с собой из рая. Этот посох унаследовал Сет, а затем он передавался через Идриса, Ноя, Салиха, Авраама и его семейство, пока не оказался у Шу'айба, который отождествляется с тестем Моисея. Через его дочь этот посох перешел к Моисею, для которого он был не только необходимым атрибутом пастушеского ремесла, но и чудотворным магическим жезлом, с помощью которого он мог освещать путь ночью, находить провизию под землей, сокрушать и раскалывать скалы и горы, защищаться от диких животных и от врагов.

Рассказы о подобных чудесах описаны во множестве сочинений мусульманской литературы [Jeffery 2001]. В народной эсхатологии данному посоху (*'аса*) отведена определенная роль в событиях Дня Страшного Суда, поскольку, когда появится Зверь как один из основных знамений надвигающегося последнего часа, он принесет с собой посох Мусы и печать Сулаймана.

Недлинное копые (пика) или посох (древко) также используется в мусульманском культе во время публичного богочитания. Для обозначения подобного рода деревянного приспособления есть несколько терминов. Наиболее употребляемым является *'аназа*, но также *'аса* и схожие с ними по значению *кадиб*, *харба* и *силах*. В мусульманском ритуале *'аназа* появляется уже во 2/624 г. Когда Мухаммад впервые праздновал *'ид ал-фитр* (праздник разговения), то Билал (один из ближайших сподвижников Мухаммада) во время про-

цессии нес копьё (по общему мнению, являющееся подарком от аз-Зубайра) до места совершения молитвы. Во время богослужения это древко было воткнуто в землю и служило указателем *киблы*. Подобный ритуал совершался и на *'ид ал-адха* (праздник жертвоприношения).

Традиция использования копий или посохов (жезлов) в различных церемониях наблюдалась и развивалась при первых халифах. Стало обычным, что читающий проповедь сжимал в своей руке посох или жезл (*кадиб*) или нечто похожее или опирался на него, пока поднимался на кафедру (*минбар*) во время пятничной службы. Несомненно, подобные вещи передавали идею власти. Как указывают источники, среди древних арабов посох являлся одним из атрибутов судьи или оратора [Miles 2001]. Восприятие посоха как одного из атрибутов почтенного (в плане как возраста, так и социального положения) и уважаемого человека иллюстрируют множество примеров. Так, в Шугнани, как и во многих других районах Центральной Азии, почитается Ходжаи Хызр. Хызр, будучи благожелательным святым, помогал людям. Если кто-либо встретился с Хызром и твердо уверен, что это именно он, то должен обратиться к нему за помощью по установленной форме. Тогда святой поможет в любом занятии, пошлет потомство, излечит болезни и т.п. Хызр показывается в образе почтенного, нарядно одетого старика, обязательно с посохом в руке или странника, нищего (*талбанда*, *девона*), просящего милостыню [Мухиддинов 1986: 89].

Посох или жезл являлись одним из признаков власти халифа. Уже в эпоху Умайядов жезл (*кадиб*) или посох (*'аса*), наряду с печатью были символами верховного положения, которые с поспешностью передавались новому халифу после смерти его предшественника. Эта традиция сохранилась и при первых *'Аббасидах*, особенно после смерти ал-Мансура, который умер в Мекке, а также после смертей ал-Махди и Харуна ар-Рашида, скончавшихся во время походов в удаленные области халифата; в указанных случаях для передачи жезла и посоха назначался особый человек. Есть основания полагать, что посох Мухаммада, который перешел затем к первым халифам, правившим в восточных областях мусульманского мира, унаследовал то религиозное значение, которым обладал упоминаемый в Коране посох Муссы, и, возможно, использовался как своего рода скипетр [Sourdel 2001]. Несмотря на то что в последующие эпохи (начиная с эпохи правления мамлюков в Каире и позже, в Османской империи) посох перестал использоваться в дворцовом церемониале, он остался символом власти, на что указывают литературные источники.

Библиография

- Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928 гг.). Душанбе, 1970.
- Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1973.
- Валиханов Ч. Тенкри (Бог) // Валиханов Ч. Избранные произведения. М., 1986.
- Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.

- Мухиддинов И.* Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Наливкин В.П., Наливкина М.* Очерки быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань, 1886.
- Писарчик А.К.* Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Ч. III.
- Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Терлецкий Н.С.* Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения (к вопросу о функциях и символизме туга) // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. СПб., 2009. Вып. 2.
- Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности у казахов (XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1991.
- Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002.
- Jeffery A.* 'Asa // Encyclopaedia of Islam CD-ROM Edition. Leiden, 2001.
- Miles G.C.* 'Anaza EI // Encyclopaedia of Islam CD-ROM Edition. Leiden, 2001.
- Sourdel D.* Kadib EI // Encyclopaedia of Islam CD-ROM Edition. Leiden, 2001.

Ю.Ю. Шевченко, А.Н. Уманец

**ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
V–VII ВЕКОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОЯВЛЕНИЕ
РАННЕХРИСТИАНСКИХ ПЕЩЕРНЫХ ПАМЯТНИКОВ**

Палеоэтнографическая ситуация в Северном Причерноморье V–VI веков имеет принципиальное значение для понимания становления славянского мира как глоттогенетического единства, развивавшегося во взаимодействии конкретных славяноязычных этносов друг с другом и иноязычным этническим окружением, а также для исследования проникновения первохристианской традиции в раннеславянскую этнолингвистическую среду.

Локализация акациров, принявших краткое главенство от сарагуров «в той части Скифии, вдоль которой текут струи реки Данапра (Днепра); гунны называют ее на своем языке Вар» [Йордан 1960: 118–120], — это Поднепровье, где киевская культура в это время трансформировалась в культуры пеньковско-кологичинскую и пражскую — культуры исторически известных славянских племен: антов и склавен. Взаимные столкновения болгарских племен, в которых участвуют и анты, наблюдаются в Юго-Восточной Европе и Причерноморье от эпохи Теодориха (481 г.) до прихода авар и дунайских набегов славянских племен на Византию. Болгары-утригуры совершают такие походы совместно с антами, а кутригуры атакуют Византию совместно со склавенами в VI–VII веках [Шевченко 1977: 39–52; Уманец, Шевченко 1993: 3–13]. На